

Ли Яо надеялся, что его редкое недовольство — мрачный вид, от которого у других кровь стыла в жилах, — заставит Хэ Цзинпина отступить.

Как бы не так!

Цзинпин лишь захлопал ресницами и, даже не подумав убраться восвояси, перенял всю мимику наставника, переиначил её на свой лад и вернул обратно.

Если лицо Ли Яо выражало лишь ледяную суровость — нахмуренные брови, прищуренные глаза и плотно сжатые губы, — то Цзинпин в ответ расплылся в улыбке. Он удивлённо приподнял брови, распахнул глаза во всю ширь и, замерев под пристальным взглядом старшего, вместо привычного закатывания глаз невинно захлопал ресницами.

Обычно Цзинпин держался отчуждённо и строго, и эта внезапная попытка соорудить милую рожицу совершенно сбила Ли Яо с толку. Откуда только взялись эти шутовские ужимки?

Ли Яо отказывался брать его с собой вовсе не из страха, что в землях Хуха не сумеет защитить мальчишку. Его куда больше тревожило отношение Цзинпина к императору — глухая, труднообъяснимая враждебность. Один раз дерзость сошла юноше с рук, но если он продолжит испытывать терпение государя, беды не миновать.

Заметив колебания наставника, Цзинпин поспешил закрепить успех:

— Я не шучу. Возьми меня с собой, хочу набраться опыта, мир повидать.

Увидев, что Ли Яо всё ещё хмурится, он на секунду задумался и добавил тише:

— Обещаю, перед императором я буду держать себя в руках. Больше никаких глупостей, честно.

«А парень на удивление проницателен», — подумал Ли Яо.

Под конец Цзинпин вдруг резко сменил тему:

— Гранд-дядя-наставник, а вы сегодня на редкость хороши.

Ли Яо опешил.

Обычно он одевался небрежно, полураспущенные волосы перехватывал простой заколкой. Но сегодня его белоснежная грива была высоко стянута в строгий узел. Традиционный халат учёного с узкими рукавами он дополнил кожаными наручами, чтобы ткань не мешала

движениям, отчего весь его облик приобрёл воинственную и собранную грацию. Густой тёмно-серый цвет одеяния выгодно подчёркивал безупречную бледность кожи, которая на солнце казалась почти прозрачной, будто фарфор.

Ли Яо едва не выпалил: «Ещё бы, когда это я выглядел плохо?», но вовремя осёкся, укоряя себя за минутную слабость. Надо же, этот паршивец чуть не обвёл его вокруг пальца!

Однако уловка сработала. Ли Яо отвлёкся, и его гнев утих. В конце концов, запереть Цзинпина дома всё равно не получится — упрямства и сил у мальчишки хоть отбавляй, а если он увяжется следом втайне, хлопот будет куда больше.

Тяжело вздохнув, Ли Яо пришпорил коня.

«И где моя хваленая строгость? — с досадой подумал он. — Тоже мне, старший на два поколения гранд-дядя-наставник. Никакого авторитета».

Поняв, что молчание означает согласие, Цзинпин довольно ухмыльнулся, прикрикнул на жеребца и пустил его вдогонку. На душе у юноши было легко. Не зря в народе говорят: лесть откроет любые двери. Истинная правда!

Ли Яо и не думал щадить спутника. Он погнал лошадь во весь опор, замышляя маленькую пакость: оторваться от Цзинпина, первым примчаться в лагерь, предупредить генерала Хуа Синьфэна и приказать часовым у ворот заговорить парню зубы. Так он уберёт бы непутёвого ученика от встречи с императором.

Однако коварный замысел провалился.

Искусство верховой езды Цзинпина, отточенное под личным руководством Хуа Синьфэна, оказалось безупречным. Он уверенно держался ровно в пяти шагах позади Ли Яо. Сколько бы тот ни петлял по узким каменистым тропам и крутым склонам, оторваться так и не удалось.

Что ж, ладно.

В главном шатре армейского лагеря царил оживление. Здесь собрались император Чжао Шэн, генерал Хуа Синьфэн и страж Ян Сюй. Чуть поодаль на почетном месте сидел богато одетый чужеземец с окладистой седой бородой и крупными чертами лица, выдававшими в нём уроженца приграничных земель.

При появлении Ли Яо чужестранец едва заметно затаил дыхание.

Заметив на себе этот пристальный, почти лихорадочный взгляд, Ли Яо усмехнулся и приветливо приподнял брови:

— Приветствую вас, полковник Жилуцзи. Не виделись больше пяти лет. Как поживаете? Надеюсь, хорошо. А впредь, уверяю, ваша жизнь станет ещё лучше.

Лицо Жилуцзи исказилось от целой гаммы противоречивых чувств. Он явно хотел что-то возразить, но вовремя понял, что сотрясать воздух бесполезно.

Ли Яо, сделав вид, будто ничего не заметил, невозмутимо продолжил:

— Не беспокойтесь о своей матушке, супруге и детях — в столице им обеспечат самый радушный приём и заботу. А когда юные господа подрастут, Его Величество лично отберёт достойнейших и отправит обратно в земли Хуха, дабы они помогали вам управлять вашим славным племенем.

Не давая полковнику опомниться, Ли Яо повернулся к императору:

— Ваше Величество, этот скромный подданный готов отправиться в путь вместе с господином Жилуцзи.

Чжао Шэн жестом велел ему обождать и многозначительно посмотрел на стража Яна.

Ян Сюй тут же шагнул вперёд и поднёс Ли Яо длинную шкатулку из тёмного дерева.

— Твою саблю, Раскалыватель Душ, — заговорил Чжао Шэн, — все эти годы по моему указу бережно хранили лучшие оружейники Министерства общественных работ (Гунбу). Сегодня я возвращаю её законному владельцу в целостности и сохранности.

Пока государь говорил, страж Ян откинул крышку.

На подкладке из нежного шёлка покоился изящный клинок. Шириной всего в три пальца, он казался гораздо уже обычных армейских сабель и почти не имел изгиба. Если бы не характерная форма наконечника ножен, его легко можно было принять за обоюдоострый меч.

Ли Яо взял оружие в руки и легонько толкнул большим пальцем гарду — иссиня-чёрная сталь показалась из ножен на пару цуней. Скользнув по лезвию беглым взглядом, он резким движением вернул саблю на место, и холодный, слепящий отблеск клинка мгновенно угас.

Стоявший за плечом наставника Цзинпин сразу приметил, что редкий металл, из которого выковали саблю, точь-в-точь походил на материал его маски и кинжала. От этой мысли его сердце наполнилось тайной гордостью — казалось, гранд-дядя-наставник выделил его среди

всех остальных.

Пока юноша мысленно ликовал, Ли Яо не глядя протянул Раскалывателя Душ назад, прямо ему в руки.

Цзинпин послушно перехватил ножны, но едва не уронил их от неожиданной тяжести: изящное с виду оружие оказалось невероятно весомым.

Он не раз слышал от уличных сказителей, что Раскалыватель Душ прошёл со своим хозяином огонь и воду, стяжав великую славу. Питая к Ли Яо глубокие чувства, Цзинпин невольно проникся почтением и к его грозному клинку. В голову полезли вздорные мысли:

«Говорят, у старого оружия появляется собственный дух. Эй, ты там? Слышишь меня? Вот бы слышал... Отныне я всегда буду рядом с наставником. Давай защищать его вместе. Ты, конечно, старший товарищ, так что с меня причитается кувшин хорошего вина».

— Яньчу, — посуровев, произнёс Чжао Шэн. — Пост правого канцлера пустовал целых пять лет — я берёг его для тебя. Возвращайся на службу. Ян Сюй даже захватил твоё парадное одеяние.

Повинуясь приказу, страж развернул аккуратно сложенное, пахнущее новизной чиновничье платье. То был строгий угольно-чёрный халат с золотым шитьём по вороту. На груди красовался вышитый золотом величественный цилинь, а спину украшал нашивной квадрат-буцзы с тем же священным зверем, попирающим четыре драгоценности. Зверь казался настолько живым, будто вот-вот сойдёт с парчи и ринется в бой.

В Южной Цзинь (Нань Цзинь) не было должности верховного военачальника — военными делами ведал правый канцлер (Юсян), в то время как левый канцлер (Цзосян) управлял гражданскими чиновниками.

Много лет назад прежний император намеревался пожаловать этот высокий пост деду Ли Яо. Однако старый генерал, не успев примерить канцлерское платье, упал с коня и лишился обеих ног. С тех пор он не вставал с постели и скончался через год после кончины государя. Так должность правого канцлера на долгое время осталась свободной.

Позже Ли Яо наголову разбил захватчиков-цзе и усмирил кочевников хуха. Он избавил рубежи государства от набегов, когда сам едва достиг совершеннолетия. Его ратные подвиги превосходили все мыслимые пределы, и Чжао Шэн, преодолев яростное сопротивление двора, вручил бразды правления армией юноше, едва перешагнувшему порог двадцатилетия.

Разумеется, это вызвало волну зависти. Столичные буквоеды и цензоры долго ворчали, обвиняя молодого полководца в незрелости и безрассудстве.

Император не раз устраивал разнос этим придворным бездельникам, горады лишь языками

чесать. В конце концов государь во всеуслышание объявил:

— Яньчу — бесценное сокровище нашей державы! Пост канцлера первого ранга для него мелок. В будущем лишь высший княжеский титул сможет искупить его великие труды на благо Великой Цзинь!

Эти слова быстро разлетелись по чайным домам столицы. Вся империя знала, что молодой канцлер пользуется безграничным доверием государя, а сам Чжао Шэн заслужил славу мудрого и щедрого правителя.

Однако ничто не вечно под луной. После трагедии в императорском кабинете Ли Яо лишился должности. Пять лет сановники умоляли назначить нового главу военного ведомства, но император оставался глух к их призывам. В народе об этом шептались всякое: одни восхищались верностью государя старой дружбе, другие сокрушались, что в Южной Цзинь перевелись истинные таланты. Сам Ли Яо лишь посмеивался над этими слухами.

Самые же нелепые слухи намекали на тайную страсть: якобы при дворе они разыгрывали строгих владыку и слугу, а наедине предавались радостям «вкушения надкушенного персика». Поговаривали, будто место канцлера пустует лишь потому, что сердце императора навеки занято Яньчу, и владыка не желает делить ни с кем ту беспримерную власть, которую когда-то поделил со своим фаворитом.

Когда Ли Яо впервые услышал эти домыслы, он не знал, смеяться ему или плакать. Сытая и мирная жизнь развязала подданным языки, раз уж они забавлялись подобными баснями. Вот только никаким величием тут и не пахло. Император попросту держал место вакантным, чтобы в нужный момент снова запрячь верного слугу в ярмо.

И вот час расплаты настал.

Ли Яо почтительно сложил ладони и склонился в глубоком поклоне:

— Ваше Величество, к чему палить из пушек по воробьям? Если правый канцлер лично отправится послом к дикарям, не слишком ли много чести будет для этих разбойников? Они лишь пуще уверуют в свою безнаказанность.

Цзинпин послушно согнулся следом. Приподняв голову, он краем глаза заметил, что наставник не спешит выпрямляться, упорствуя в своём поклоне.

Скрипнули ножки тяжёлого стула. Глубоко вздохнув, Чжао Шэн поднялся и в два шага пересёк шатёр.

— Ну полно тебе, к чему эти сцены? — мягко, почти умоляюще проговорил государь, бережно придерживая его за локоть. — Не хочешь быть правым канцлером (Юсян) — будь инспектором

по охране границ (Сюньбянь юйши). Так тебя устроит? Яньчу, ты ведь не можешь явиться к степным вождям простым простолудином. Если об этом прознают соседи, они решат, что у Великой Цзинь (Да Цзинь) не осталось достойных мужей!

Император говорил искренне, и для самодержца его тон был неслыханно мягким. Ли Яо, опустив взгляд, слегка склонил голову:

— Ваш покорный слуга принимает указ и благодарит за милость.

Цзинпин наблюдал за происходящим с холодным прищуром. Император выказывал наставнику величайшее почтение, но почему тогда Ли Яо всеми силами стремился держаться от него подальше?

Как ни ломал голову юноша, причин он не находил. Однако для себя твёрдо решил: Ли Яо не стал бы капризничать по пустякам. Раз он так непреклонен, значит, государь нанёс ему смертельную обиду. Наставник просто не мог быть неправ.

Интересно, как отреагировал бы Ли Яо, узнай он, насколько преданно и слепо верит ему названный внучатый племянник?

Впрочем, новоиспечённый инспектор Ли сейчас думал лишь о том, как поскорее вызволить учителя Чжэн Чжэна и заодно проучить твердолобого вождя кочевников. Ишь чего удумал, степной баран, — вздумал его проверять!

При этой мысли в груди Ли Яо вскипела былая удадь, какая вела его в бой в те времена, когда он командовал авангардом Южной армии. Простившись с императором, он вместе с полковником Жилуцзи, неотступным Цзинпином и тридцатью отборными гвардейцами вскочил в седло и устремился к главному укреплению кочевников.

С тех пор как два дня назад стрела южноцзиньского всадника принесла известие о том, что легендарный Ли Яо жив, вожди хуха потеряли покой. В их лагере объявили осадное положение.

На сигнальных вышках круглые сутки дежурили дозорные, всматриваясь на юг сквозь подзорные трубы.

И вот в один из дней, едва солнце перевалило за полдень, часовой заметил на горизонте стремительно приближающийся отряд.

— Доложите вождю! — заорал он вниз, перевешиваясь через перила вышки. — Кажется, это они!

Цзинпин, как и подобает верному телохранителю, не отставал от наставника ни на шаг. Заметив, что у ворот лагеря поднялось густое облако пыли, он спросил:

— Наставник, что там впереди за суматоха?

Ли Яо снисходительно усмехнулся:

— Да это старые приятели выстроились, чтобы встретить нас честь по чести. Ого, сколько народу нагнали! — Он задорно склонил голову набок, явно довольный собой. — Что ж, приятно видеть, что моя слава всё ещё жива. Моё сердце утешено.

Цзинпин лишь беззвучно открыл рот. На сей раз он даже не нашёлся, как подыграть столь беззастенчивому хвастовству.

Предчувствие его не обмануло: вождь Даньмуцзи лично выехал навстречу. Он восседал на тяжёлой боевой колеснице, запряжённой четвёркой лошадей, а его воины выстроились идеальным полукругом по обе стороны от ворот. Степная рать замерла в грозном молчании: впереди стояли щитоносцы в кожаных доспехах, за ними — лучники с натянутой тетивой, а замыкали строй копейщики с наточенными пиками.

Когда до противников оставалось не больше сотни шагов, Ли Яо натянул поводья.

— Ну здравствуй, вождь Даньмуцзи! — звонко крикнул он. — Столько лет не виделись, а ты сразу за оружие хватаешься? Даже не обнимемся на радостях?

Правитель кочевников до сих пор в кошмарах видел ту издевательскую ухмылку, с которой Ли Яо когда-то едва не раскроил ему череп.

Он взгляделся в фигуру своего заклятого врага, восставшего из мёртвых, но с такого расстояния разглядеть детали не получалось. Стоявший рядом советник поспешно протянул ему подзорную трубу.

В круглом стекле отразилось то самое лицо — холёное, красивое и до одури раздражающее. За прошедшие годы Ли Яо почти не изменился, разве что шевелюра его стала белой как лунь, а во взгляде появилось несвойственное ему прежде умиротворение.

Вождь опустил трубу и кивнул своему глашатаю.

— С какой целью господин Ли пожаловал в наши края? — выкрикнул тот.

Ли Яо лениво пустил коня шагом вперед. Весь его беззаботный вид говорил о том, что он приехал сюда на праздную прогулку, а не на переговоры со смертельно опасным врагом.

— К чему эти глупые расспросы? — рассмеялся он. — Ваш вождь не отпускает учителя Чжэна только потому, что соскучился по мне. Вот я и приехал, не желая его разочаровывать. И что же я вижу? Вы держите старого друга на пороге, заставляя глотать пыль? Я явился без доспехов, а ваш великий правитель всё ещё боится впустить меня в свои ворота?

Глашатай растерянно посмотрел на Даньмуцзи.

— Передай ему: пусть сдадут оружие, тогда впустим, — процедил вождь.

Стоило слуге выкрикнуть это условие, как Ли Яо, даже не поморщившись, с готовностью кивнул.

<http://bllate.org/book/18368/1760226>